

На следующее утро Вэнь Ецай вместе с младшей сестрой Вэнь-эрню вышли из дома пораньше. Когда они вернулись, корзины за их спинами были доверху набиты травами, а в руках у Вэнь Ецай к тому же оказался отрез бамбука — он собирался сделать для Юй Шанчжи новый посох.

Старая деревянная палка выглядела уж слишком убого, а сам Юй Шанчжи был очень высоким. При росте в семь чи с лишним Вэнь Ецай всё же уступал ему: стоя рядом, его макушка доходила лишь до ушей мужа.

Он специально не забывал, поднявшись в горы, найти подходящий кусок бамбука, и теперь держал в руках как раз тот, что был на редкость удачным.

После утренней работы брат с сестрой чувствовали, как горло пересохло от усталости. Вэнь Ецай подошёл к баку с водой, попутно разминая уставшие ноги, зачерпнул воды и поднёс к губам. Но не успел он сделать глоток, как из дома вышел Юй Шанчжи, всё ещё опираясь на ту самую деревянную трость, и остановил его:

— Не пей больше сырой воды. Пей кипячёную.

Вэнь Ецай проворчал:

— Да мы с Эрню хоть куда, крепкие. Горячая вода — это для Санъя.

Он был уверен, что Юй Шанчжи этого не услышит, но тот не пропустил ни слова.

Юй Шанчжи сдержанно, но с улыбкой, в голосе попеременно и раздражённой, и добродушной, сказал:

— Дело не в том, крепкий ты или нет. В сырой воде бактерии — от неё легко заболеть.

Вэнь Ецай продолжал бурчать, но уже направился к печке за кипячёной водой. При этом всё же с любопытством переспросил:

— А что такое эти... бактерии?

Юй Шанчжи осознал, что по привычке обмолвился словом из современного мира, и тут же поспешил подобрать другое объяснение:

— Это такие мелкие грязные штуки, невооружённым глазом их не увидеть.

Вэнь Ецай почесал затылок:

— Ты у нас лекарь, тебе и знать лучше, послушаю тебя.

Как только он произнёс это, из кухни уже вышел Вэнь-санъя, держа в руках две чашки с водой. Видно, давно приготовился. Он поднял их вверх и весело позвал:

— Брат, сестра, пейте воду!

Вэнь Ецай взял одну, погладил мальчика по голове:

— Санъя у нас самый послушный.

Надо признать, с тех пор как он стал пить отвары, выписанные Юй Шанчжи, Санъя стал гораздо крепче: спал по ночам спокойно, да и лицо посветлело, словно здоровье стало возвращаться.

Немного передохнув, все четверо сели во дворе, чтобы перебрать собранные травы.

Юй Шанчжи внимательно прощупывал каждое растение, определяя его назначение, и аккуратно раскладывал по категориям. Вскоре перед ним уже выстроились аккуратные кучки: например, куриная трава, применяемая при ушибах и растяжениях; корень белого мятлика, останавливающий кровотечения; одуванчик, снимающий жар и борющийся с токсинами; травы для женского здоровья, такие как пастушья сумка; а также подорожник, помогающий при влажном кашле и слизи в лёгких...

Все эти растения были самыми базовыми и распространёнными, но от того не менее полезными и эффективными.

Где уж у крестьян найдутся лишние деньги, чтобы ходить по лекарям и покупать снадобья — в большинстве случаев просто шли в горы, выкапывали какую-нибудь траву, глотали наугад, авось поможет. Если выздоровел — значит, всё хорошо, если нет — судьба такая.

Когда с основными травами разобрались, настал черёд самой многочисленной — полыни.

Юй Шанчжи на ощупь вынул один из стеблей, привычно сжал листья между пальцами, провёл рукой по стеблю, потом оторвал кусочек и растёр его между пальцами, поднес к носу.

Полынь имела характерный, резкий аромат, настолько насыщенный, что перебивал запах всех остальных растений.

Даван и Эрван, с их чутким обонянием, уже не выдержали — их буквально выкурило, и они спрятались в дальнем углу двора.

Юй Шанчжи бросил полынь обратно и спокойно сказал:

— Похоже, это всё северная полынь, сгодится. Надо разложить её в сухом месте, пусть провянет в тени. Через пару дней можно будет обрывать листья и складывать на хранение. Вечером всем в доме полезно будет парить ноги с этой травой — она согревает меридианы, укрепляет дух и помогает сосредоточиться. Не только Санъя, но и ты, Эрню, должна начать заботиться о себе. Ты же девочка — нужно с малых лет беречься, иначе потом легко простудиться и страдать от болей в животе.

Он не стал говорить прямо про женские дела, зная, что Эрню вряд ли что-то поймёт, а если поймёт — то только смутится.

Для девочки из деревни такие вещи были в диковинку. Она и вправду удивилась:

— Раз уж я должна беречься только потому, что я девочка, тогда брат — это же гер, значит, ему тоже нужно себя беречь?

Юй Шанчжи на миг опешил — он и впрямь чуть было не забыл, что горы тоже могут беременеть и рожать.

Если задуматься, как же всё это устроено? Какие органы у них отвечают за вынашивание плода? Неужели у них тоже есть яичники, матка?.. Тогда, выходит, у них тоже бывают месячные?

Он порылся в воспоминаниях, оставшихся от прежнего хозяина тела, — и к облегчению обнаружил, что таких упоминаний не было. Значит, видимо, нет. Немного выдохнул, успокоился. Но всё же, бережное отношение к телу никому не повредит.

— Верно, — сказал он, — с сегодняшнего дня всем стоит завести привычку парить ноги перед сном. Это только на пользу, вреда никакого.

Вэнь Ецай за короткое время уже запомнил два новых правила: нельзя пить сырую воду и нужно не забывать про вечерние ванночки для ног.

— У вас, у лекарей, всё столько тонкостей, да ещё и хлопотно как...

Хотя на словах и звучало будто бы с упрёком, в голосе не было ни капли недовольства — наоборот, чувствовалась искренняя признательность.

Все вместе они взялись за работу, и меньше чем за два часа успели перебрать большую часть горы трав.

Корзин в доме оказалось недостаточно, и Вэнь Ецай сказал, что ходит в горы и нарубит бамбука, чтобы потом сплести ещё несколько. Но пока новые корзины не будут готовы, часть трав придётся скромно разложить на расстеленных на земле бамбуковых циновках.

— А может, разложим полынь прямо во дворе, в тенёчке? Так быстрее завянет, как думаешь?

Вэнь-эрню присела на корточки и, заметив, что Юй Шанчжи в ответ кивнул, невольно взглянула на старшего брата. Ей даже почудилось... не её ли это фантазии?

Словно всего за одну ночь эти двое стали друг другу ещё ближе.

Рядом Вэнь-санъя тоже возился с полынью. Погода сегодня стояла на редкость ясная, солнце палило высоко, ветра почти не было. Юй Шанчжи велел мальчику не сидеть в душном доме, и тот, взяв маленькую табуретку, устроился поблизости.

Маленькими ладошками он перебирал листья и вдруг, увидев нечто странное, нахмурился и вытащил это из общей кучи:

— Это ведь не полынь, да? Как оно сюда попало?

Вэнь-эрню глянула мельком и спокойно пояснила:

— Брат же сам сказал, что брат Юй говорил: в горах полно целебных трав. Я там всего понемногу нарвала, вдруг что-то полезное и попадётся.

Хотя она так и сказала, многие из этих «разнообразных» трав Юй Шанчжи уже отобрал и выбросил — вероятно, и этим безобидным травкам светила та же участь.

Вэнь Ецай не придавал этому значения, но всё же взял несколько стеблей в руку, взглянул внимательнее:

— А по виду — точно листья сяньэр-чая... Ты бы поостереглась, не тяни к нему всякий хлам, не мешай брату Юю.

Вэнь-эрню недовольно качнула головой.

Юй Шанчжи будто что-то вспомнил, протянул руку:

— А-Е, дай-ка сюда эту травку, я гляну.

Стоило прозвучать этому обращению, как глаза у Вэнь-эрню и Вэнь-санъя стали круглыми:

брат Юй... назвал их брата А-Е?!

Они переглянулись, глаза засверкали — вот это да! Только тут же наткнулись на предупредительный взгляд самого Вэнь Ецай, который ясно давал понять: шуток не надо.

Юй Шанчжи, разумеется, ничего не заподозрил. Он, как и прежде, спокойно принял траву и, как и с полынью, по уже привычной процедуре стал её осматривать: на ощупь, на запах, по листьям и стеблю. Вскоре на его лице появилось выражение лёгкого удивления:

— Если я не ошибаюсь, это листья юаньчжи*.

(ПП: истод тонколиственный, применяется издавна как отхаркивающее средство, а также при поносах, воспалении мочевого пузыря, в качестве мочегонного.)

Вэнь Ецай, с детства выросший в горах, впервые слышал такое название:

— Юаньчжи? А не сяньэр-чай разве?

По сути, все лекарственные травы — это дикие травы, и у каждой нередко бывает десяток народных прозвищ. Юй Шанчжи предположил, что, скорее всего, в этих краях юаньчжи просто и зовут «сяньэр-чай» — вот и вся разница.

Он терпеливо пояснил, но Вэнь Ецай понял только отчасти.

— Эх, да как оно там называется — не так уж важно. Лишь бы цена хорошая была. Жаль, что всего-то пара стебельков, надо бы потом в горы сходить и поискать ещё.

Следующие слова Юй Шанчжи стали настоящим сюрпризом:

— Я раньше с учителем тоже ходил продавать травы. Те, что вы собрали до этого, честно говоря, большого дохода не принесут: самые простые — и за пару медяков можно цзинь взять, а подороже — двадцать-тридцать вэней за цзинь. Но с юаньчжи дело другое — она стоит семьдесят, а то и восемьдесят вэней за цзинь.

— Хо! — Вэнь Ецай аж подпрыгнул на месте. — Вот эти вот листочки? Да за них семьдесят-восемьдесят вэней? Ох ты ж божечки... Да это ж дороже мяса выходит!

Юй Шанчжи вернул листья юаньчжи в кучу, стряхнул с пальцев прилипшую пыль и спокойно пояснил:

— Дорогая она не просто так. Юаньчжи редка, да и то, что принесла Эрню — это всего лишь

листья. На деле в медицине используется корень. А с ним всё сложнее: чтобы добыть, нужно уметь выкапывать, если повредишь или сломаешь — ни один торговец не возьмёт, цену сильно собьют.

Уже одно то, что в куче полыни обнаружилась юаньчжи, казалось удачей. Но не прошло и получаса, как Вэнь-санъя снова покопался в траве и вытащил ещё одно растение — с пурпурным стеблем и характерным запахом, напоминающим полынь.

— А это что? — спросил он.

Юй Шанчжи понюхал, и на его лице отразилось лёгкое изумление:

— Это хунцзяо-ай, или полынь Баогу. Странно... такая полынь растёт только на юге.

В его прошлом мире хунцзяо-ай считалась региональной особенностью Линнаня, а теперь, оказывается, её находят и здесь — на горе Фуху, что находится как раз на стыке южных и северных земель.

— У полыни Баогу есть другое имя — её ещё называют «божественной полынью». Говорят, давным-давно жила целительница по имени Бао Гу, искусная в искусстве прижигания полынью. В память о ней люди стали называть эту самую редкую и самую подходящую для лечения разновидность — полынью Баогу. Отличается она от обычной тем, что ниже ростом, с более мелкими листьями, а стебли и корневая система — пурпурно-красного цвета.

Он рассказал эту историю как бы между делом, будто невзначай, но на самом деле она вобрала в себя и воспоминания прежнего хозяина тела, и собственные знания из прошлого мира. С самого момента, как он оказался здесь, Юй Шанчжи начал замечать: этот мир во многом перекликался с его прежней жизнью — особенно в исторических и культурных чертах. Он воспринимал его как нечто вроде изменённого параллельного мира. Благодаря этому его багаж знаний о травах и медицине по-прежнему был применим.

Хотя различия, конечно, тоже имелись. Например, та же пурпурная полынь, которая вдруг росла здесь, в горах, хотя должна бы быть южной. Подобные мысли он, разумеется, не высказывал вслух. А вот сам рассказ о Бао Гу пленил внимание Вэнь-эрню — она слушала, раскрыв рот:

— Значит, были и женщины-врачи? А бывают ли горы-врачи? Я-то всегда думала, что только мужчины могут быть лекарями.

Юй Шанчжи ответил спокойно:

— Конечно, бывают. Пусть и редко, но встречаются. В уездных и областных городах есть и женщины-лекари, и горы-лекари — они как раз и лечат преимущественно женщин и геров.

Вэнь Ецай, заметив, как у двух малышек в глазах засверкали искорки, улыбнулся:

— Если у тебя ещё есть такие истории — рассказывай почаще. Им очень нравится слушать.

Теперь, когда в их руках оказались юаньчжи и полынь Баогу, все остальные лекарственные травы как будто сразу померкли на их фоне.

— Полынь Баогу любит солнечные, ровные места, — спокойно пояснял Юй Шанчжи. — А юаньчжи предпочитает тень — ищите её на склонах, в травянистых местах. Обе эти травы — сколько найдёте, всё можно нести в аптеку, там точно купят. А вот северная полынь — дешево стоит. Тащить её в город смысла нет, лучше дома оставить. Пусть полежит, повянет — потом можно заваривать, для ножных ванн. Излишки скатать в полынные палочки-мокса — пригодятся в хозяйстве.

— Я помню, где мы эти травы нашли! — тут же подняла руку Вэнь-эрню. — На склоне, где трав полно! А рядом ещё росло несколько кустов саньюэпао! Только сейчас они ещё кислые, вот чуть позже — станут сладкими.

Вэнь Ецай протянул палец и дважды легонько щёлкнул сестру по лбу:

— Всё у тебя про еду.

Вэнь-эрню, недолго думая, с деланным возмущением юркнула за спину Юй Шанчжи:

— Брат Юй, брат обижает меня!

Вэнь Ецай рассмеялся от удивления:

— Смотри ты, мелкая, а уже знаешь, как искать покровителя!

А Вэнь-санья радостно наблюдал за всей сценой сбоку, весело прыскавая в кулак.

"Покровитель" Юй Шанчжи инстинктивно выставил руку, заслонив Эрню за своей спиной. Только потом осознал, насколько по-детски выглядело это движение. Он сам себе удивился: что с ним стало? Уже и с детьми начал подыгрывать в их шалости. Но чем больше он об этом думал, тем яснее понимал — у него в жизни никогда прежде не было таких моментов: смеяться, подшучивать, шалить вместе с семьёй, чувствовать тепло и лёгкость.

В прошлом его мать умерла рано. Отец, не сумев спасти её, несмотря на своё медицинское ремесло, был раздавлен: оставил врачевание и подался в торговлю. Дед, обуреваемый яростью и разочарованием, вычеркнул его из родословной семьи Юй. Тогда Юй Шанчжи было всего три года. Его забрали в старое родовое поместье семьи Юй к деду — и с тех пор он начал учиться

медицине. Дед некогда возлагал большие надежды на своего сына. И чем выше были эти ожидания, тем горше оказалось разочарование. В такой атмосфере вся тяжесть упавших надежд и сломанных мечтаний легла не только на отца, но и на плечи маленького Юй Шанчжи. Он рос без родных братьев и сестёр, почти не знал сверстников.

Воспоминания о детстве были заполнены либо учёбой — зубрёжкой книг, каллиграфией, — либо работой на травяных полях вместе с дедом, где он учился отличать одно растение от другого и на ходу осваивал азы врачебного дела.

Позже он и в самом деле вырос в скромного, сдержанного юношу, исполненного достоинства, с душой, пропитанной духом медицины и ароматом трав. Его называли врачом-гением, человеком, полностью отдавшим себя искусству Цихуан.

Но за пределами ремесла и профессии в его сердце всегда оставалась пустота — одна невидимая, но ощутимая брешь. Он никогда не задавался вопросом, чего же именно там не хватает — попросту не было времени думать.

А теперь... теперь он, кажется, начинал понемногу понимать.

На следующий день, восемнадцатого числа второго месяца, День весеннего равноденствия.

С раннего утра на небесах клубились лёгкие облака, обещая скорый дождь. Как говорится, «весенний дождь — дорог как масло» — злаки его любят, а вот лекарственные травы — не очень.

Все, кроме незрячего Юй Шанчжи, спешили собрать разложенные во дворе растения: полынь с земли и сушившиеся на решетчатых подносах травы — всё уносили в деревянной сарай. Маленький Вэнь-санъя, хоть и был слаб, тоже тащил свою охапку, несколько раз сбежав туда-сюда. Очень скоро пол в сарае был уже завален слоем трав, а в углу стояли друг на друге сложенные подносы с лекарственным сырьём.

Накануне Вэнь Ецай и Вэнь-эрню обошли почти все доступные участки горы Фуху и собрали практически всё, что удалось найти из юаньчжи и полыни Баогу. Что до северной полыни — с ней можно не торопиться, стоит она дёшево, а растёт повсюду: нужно — сходил, нарвал.

Что до прочих трав, то и их принесли изрядное количество.

Юй Шанчжи всё внимательно перебрал и обнаружил, что среди них попался и корень рами — по свойствам он схож с корнем белого мятлика: если пить, помогает от жара и очищает от токсинов, а если истолочь и приложить к ране — останавливает кровь.

— Корень чертополоха пока рано собирать, но я прищипнул пару ростков — сварим с ними суп. А ещё нашёл немного лебеды — давайте пожарим её с парой яиц, выйдет отличная закуска.

В деревне живут по простому правилу — что даёт гора, тем и живут. Всё, что с виду просто трава, на деле может либо утолить голод, либо спасти жизнь — недооценивать такие вещи не стоит.

Теперь, когда травы были в безопасности и дождь им не грозил, весенняя морось действительно пошла — затяжная, негромкая, накрапывающая. Стоило дождю начаться, вся работа на улице тут же стала невозможной — кто где был, поспешно сворачивался и спешил домой, закрывал двери и больше носа наружу не показывал.

К счастью, день сегодня — весеннее равноденствие, а значит, можно и немного повеселиться.

Вэнь Ецай широко махнул рукой:

— Пойду возьму несколько яиц! Раз уж такой день, давайте отметим — сыграем в Яйца Личун*!

Эрню и Санъя встретили это радостными возгласами. Псы Даван и Эрван не понимали, что происходит, но завелись вместе со всеми, радостно виляя хвостами. Юй Шанчжи прислушивался к дождю, как он постукивает по крыше, обложенной соломой.

Через некоторое время на стол легла плетёная бамбуковая корзинка.

— Ну что, каждый берёт себе по яйцу. У кого получится поставить его вертикально — в обед из его яйца сварим нежное яичное суфле!

(ПП: ещё четыре тысячи лет назад, в Китае уже существовала традиция ставить яйца вертикально в день весеннего равноденствия — как символ празднования прихода весны. Считалось, что именно в этот день, в середине весны, когда погода ровная — ни холодно, ни жарко, когда земля оживает, цветут цветы, зеленеет трава, а человек ощущает особую легкость и ясность ума, — шанс поставить яйцо вертикально особенно велик. Люди были бодры, движения — точны, разум — ясен, и яйцо будто бы само просилось удержаться на ребре равновесия.

Кроме буквального смысла — «поставить яйцо» — у этой традиции был и символический:

« » (вставить яйцо) звучит созвучно с выражениями «   » (немедленно родить ребёнка), « » (прибавление в семье), — так что обряд нес в себе надежду на продолжение рода, процветание семьи, многочисленное потомство и преемственность поколений.

Вот почему это простое и весёлое весеннее развлечение имело для китайцев глубокий, благожелательный смысл.)

<http://bllate.org/book/13600/1205929>